

УДК 398

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/123/82>

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА КЫРГЫЗСКИХ СКОРБНЫХ ПЕСЕН (КОШОК)

©*Курманалиева Г. Ж.*, SPIN-код: 2608-4687, Джалаал-Абадский государственный университет им. Б. Осмонова, г. Таши-Кумыр, Кыргызстан, gulnur2379@mail.ru

THE GENRE NATURE AND HISTORICAL DESTINY OF THE KYRGYZ LAMENT SONGS (KOSHOK)

©*Kurmanalieva G.*, SPIN-code: 2608-4687, Jalal-Abad State University named after B. Osmonov, Tash-Kumyr, Kyrgyzstan, gulnur2379@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жанровой природе и художественно-функциональным особенностям траурных и сновиденческих песен (кошок жана түштүк ырлар) в структуре кыргызского устного народного творчества и в эпосе «Манас». Опираясь на научные исследования З. Бектенова, Т. Байжиева, З. Кыдырбаевой, С. Мусаевой, Ж. Таштемирова и других фольклористов, в работе рассматриваются исторические истоки жанра кошока, его семантическое содержание, композиционная структура и роль в традиционной культуре кыргызов. Траурные песни представляют собой один из древнейших и наиболее устойчивых жанров фольклора, отражающий мировоззрение народа, понимание жизни, смерти, судьбы и нравственных идеалов. Особое внимание удалено художественным средствам, формирующем образ умершего: гиперbole, символике, сравнением с тотемическими и мифологическими образами (тигр, ястреб, тулпар), а также специальному ритму и мелодике траура. Показано, что кошок выполняет как эмоционально-выразительную, так и воспитательную функцию, обращённую к потомкам, родственникам и обществу. Анализируются также поэтика песен-сновидений — сна богатого Якуба и сна героя Алмамбета — как самостоятельных эпических мотивов, раскрывающих внутреннюю трагедию личности, связь судьбы индивида с судьбой народа. Подчёркивается, что песни скорби и мечты углубляют смысловую структуру эпоса «Манас», усиливают психологизм и расширяют художественное пространство произведения. В итоге делается вывод, что траурные и сновиденческие песни занимают ключевое место в системе кыргызского фольклора, сохранив свою жанровую традицию от Орхоно-Енисейских памятников до современности.

Abstract. The article explores the genre nature and artistic-functional features of mourning and dream songs (koşok and dream-related lyrical forms) within Kyrgyz oral folklore and the epic “Manas.” Drawing on the research of Z. Bektenov, T. Baizhiev, Z. Kydyrbaeva, S. Musaeva, Zh. Tashtemirov, and other folklorists, the study examines the historical origins of the koşok genre, its semantic content, compositional structure, and its role in the traditional worldview of the Kyrgyz people. Mourning songs are identified as one of the oldest and most enduring genres of folklore, reflecting the people’s understanding of life, death, fate, and moral values. The article pays special attention to artistic devices used to shape the image of the deceased: hyperbole, symbolism, comparisons with totemic and mythological figures (tiger, hawk, tulpar), as well as the specific rhythm and melody inherent to mourning. It is shown that the koşok performs both expressive-emotional and educational functions, addressing descendants, relatives, and society as a whole. The study also analyzes the poetics of dream songs — the dream of the wealthy Yakub and the dream of the hero Almambet — as independent epic motifs that reveal the inner world of the characters, their

personal tragedy, and the connection between individual fate and the fate of the nation. It is emphasized that songs of sorrow and dreams deepen the semantic structure of the “Manas” epic, strengthen psychological expressiveness, and broaden its artistic space. The article concludes that mourning and dream songs occupy a key place in the system of Kyrgyz folklore, preserving their genre traditions from the ancient Orkhon-Enisei inscriptions to the present day

Ключевые слова: кошок, кыргызский фольклор, жанровая природа, поэтика, Орхон–Енисей, Кет-Бука, Токтогул, историческая память, устное творчество.

Keywords: koshok, Kyrgyz folklore, genre characteristics, poetic structure, Orkhon–Enisei inscriptions, Ket-Buka, Toktogul, historical memory, oral tradition.

Кыргызский народ, как и все народы мира, является одной из стран, обладающих богатой сокровищницей устного народного творчества. Произведения всех жанров фольклора очень развиты и у нашего народа. Такой характерный признак народного художественного наследия был отмечен великими учеными прошлого века, одними из первых исследовавшими фольклорные произведения кыргызов Ч. Валиханов, В. В. Радловы же показали это точно. Действительно, все группы устного народного творчества – и эпические, и лирические, и дидактические – широко представлены в художественной сокровищнице кыргызского народа. Правда, в нашем фольклоре существуют различные лирические (трудовые песни, обрядовые песни, бытовые песни), дидактические (пословицы, поговорки, загадки, песни-наставления и т.д.) жанры. наряду с произведениями созданы и эпические произведения (легенды, басни, сказки, эпосы) в значительно большем количестве по сравнению с другими народами. И такое свойство, и эту особенность в нашем народном устном творчестве наши ученые отмечали единодушно.

Общеизвестно, что песни о мечтах и трауре в народном фольклоре являются жанрами, относящимися к обрядовым (траурным) и бытовым (мечтательным) песням в группе лирических песен, и каждый из них имеет свои отличия. Об этом говорят ученые-фольклористы. Можно сказать, что и байжиевы в своих работах по классификации устного народного творчества достаточно сконцентрировались на песнях мечты и скорби. Тем не менее, несмотря на то, сколько место и художественная функция песен о сне и трауре в художественной структуре великого эпоса до сих пор не исследованы полностью и в достаточной степени на основе конкретных примеров.

Что мы имеем в виду под плачем (кошок)? Этому З. Бектенов и Т. Байжиев в своей книге «Кыргызская литература» мы оплакиваем печальную песню, которая произносится с внутренним чувством в смысле сожаления, горения [1].

Траур разделен на две части. Траур — это один из жанров народного устного творчества. Он есть в большинстве стран мира. В кыргызском фольклоре траур был распространенным жанром до Октябрьской революции. В Кыргызстане его чаще всего выпускают женщины-скорбящие. В нем рассказывается о горе, мечтах, словах храбрости, наставлениях друг другу близких умершего, вспоминаются добродетели умершего при жизни. Есть даже лучшие образцы плача, созданные известными поэтами.

В соответствии с жанровой природой, траурные песни чаще всего изображают бедствия, постигшие людей, случаи, когда население подвергалось воздействию солнца, в частности, они описали бесконечную потерю Из-за смерти любимых народом героев, мужей-воинов. Конечно, нельзя отрицать, что в траурных песнях также широко представлены призраки простых людей. Иначе и быть не могло. Ведь все образцы устного творчества жили в народе,

выходили из народа, и в результате включил в песню мечту - из могилы созданного им народа. В трауре, прежде всего, рассказывается о характере, мужестве, поступках покойного, о щедрости, «накормившей всю деревню», о мастерстве, мастерстве, мудрости, справедливости, о том, кто и как прожил свою жизнь, в результате чего создается единый образ умершего.

Во-вторых, в некоторой степени траурные песни также имеют свой собственный внутренний сюжет. Иногда встречаются оплакивания, которые с точки зрения объема вырастают в масштаб целого стихотворения.

В-третьих, можно сказать, что траурные песни носят воспитательный характер. В них содержатся проповеди, высказывания, адресованные близким родственникам, детям умершего с указанием его личности.

В-четвертых, траурные песни имеют свойственный только им ритм, свойственную только ему мелодию. Никому и в голову не придет сказать «Бекбекей», «Шырылдан» или колыбельные песни.

Необходимо, чтобы ритм, внутренний ритм траура соответствовали тоске, печали, безграничной утрате, а сама мелодия гармонировала со смыслом, внутренней сущностью. Даже невозможно представить песни скорби без собственного ритма, без собственной манеры выражения. Именно такие качества делают траурные песни одним из важнейших, наиболее выразительных жанров народного устного творчества.

А если учесть, что траур реально существует и в нашей сегодняшней жизни, то само собой разумеется, что произведения этого жанра являются одним из бессмертных художественных производных, выражающих подлинную народную мысль. Кроме того, скорбь переплетается с реальностью жизни, которая случается с каждым человеком. В этих песнях невозможно встретить глухонемого мальчика пенде, который не говорит душевной боли. Ведь потеря близких, людей с одной печалью-это непоколебимая реальность жизни, непреложная работа в голове каждого человека.

Вместе с тем, траурные песни широко используются и сегодня, в период расцвета реалистической письменной литературы, продолжая жить своей жизнью, давая авторам возможность высказать свое мнение, повышая динамичность повествования, раскрывая душу персонажа еще глубже. Например.: В повести Ч. Айтматова «Гульсарат», в Легенде о Найман-матери в романе «Дольше века длится день» и др.

Был создан специальный значительный труд о трауре, в котором были рассмотрены их внешнее содержание, историческое и жизненное значение, структура и т. д. несмотря на то, что стороны еще не были проанализированы, К. Ми�택ов, Б. Кебекова, А. Токомбаева, С. Жигитов есть случаи, когда такие ученые, как я, высказывают свое мнение по тому или иному вопросу. Жанровая традиция этого древнейшего жанра поэзии, в котором поется о потере, которая случается с каждым человеком из-за закона жизни, сильна. Как мы не оплакиваем почти во всех из них традиция прославлять труд умершего человека при жизни, возвеличивать его подвиг передается с помощью художественных средств. Например:

Под белой скалой,
Белый тигр сбежал из изгородь.
Пышный, как белый тигр,
Пыхтя, как белый ястреб,
Кровавый склон мертв.

Во второй строке этого оплакивания «белый тигр сбежал из-за барьера» говорится, что склон сравнивают с белым тигром, человеком, таким же грозным, как тигр, и таким же острым,

как белый ястреб. В строках «белый тигр сбежал» показано, что Белый тигр не убегает от Земли, с побегом тигра связана душа героя. Если мы посмотрим на содержание траура, то увидим печаль в жизни, то увидим закон природы, который приходит к человеку, от которого невозможно избавиться, — невозможность избежать плена смертного.

В то время как скорбящие оплакивают близкого человека из-за его близости к умершему, скорбящие, выраженные через более далекие предубеждения, часто выражаются через «у вас есть дети, которые могут продлить вашу жизнь, заменить вас, у вас есть родственники, да здравствует ваша вера, это то место, куда мы все идем, вы уходите из ложного мира в реальный мир, или поддержи»—дает смысловые соображения. Жанр траура, занимающий самое важное место в жизни народа, как отмечалось выше, создается раньше эпоса «Манас». Ведь, где бы мы ни читали эпос «Манас», в нем должна преобладать радость и горечь, накапливаться душераздирающая грусть, которая, вспоминая прошлое, создала условия для создания эпоса «Манас». Надписи на каменных памятниках древности также свидетельствуют о раннем зарождении жанра траура, устного народного творчества. Надпись на памятнике Култегин в Орхоно-Енисейских текстах: Господь времени пишет, все люди рождены мертвыми [2].

Слово «наконечник», встречающееся в древних каменных памятниках, теперь часто называют «наконечником» или «наконечником», когда маленькие дети устали. Еще одна важная вещь, на которую следует обратить внимание, - это то, что человек не испытывает угрызений совести до смерти, как это описано на каждом памятнике. На памятнике вместо слова «умер» даны такие слова, как «кончил» или «порвал», «мало», «мало», «стал крепче», «не видел». Возьмем, к примеру, надпись на памятнике, найденном в Бегре, на странице 153 той же книги:

Я потерял свою землю, свою лошадь, свою сумку,
С Луной я потерял твою лошадь.
Я потерял своих товарищей,
сверстников изо дня в день.
Мне шестьдесят семь лет,
я потерял зрение,
Я потерял родственников на чужбине [2].

Мы также можем засвидетельствовать тот факт, что чувство доверия ко всему этому миру, которое дошло до нас, является искрой давней веры. Оплакивания, созданные после надписей на камне, часто доходят до нас в устной форме, доходят из уст в уста и не теряют своего первоначального художественного мира, сколько бы веков он ни длился. Из-за того, что он не был написан, имя человека, который его создал, будет забыто и станет легендой, как и слух о том, что он сказал: Так же, как и в случае с одним рухнувшим мостом, в связи с этим было принято решение о его сносе.

Талантливый дед Кет Бука, живший в XIII веке, силой своего таланта забрал души многих людей. Легендарный сын Чингис-хана по имени мойщик умер, и народ в отчаянии, не в силах сдержать гнева хана, Кет Бука погрузился в глубокие философские размышления о неповторимых сравнениях, которые не могли не поразить самого хана.: Как видно из вышеуказанного хода речи, «Манас» — это, конечно, траур Каңыкея. Иначе и быть не могло. Ведь глава семьи, человек, который был его крестным отцом, давно ушел из жизни, его жена плакала и пела песню скорби.

Эта глубоко укоренившаяся традиция, эта извечная церемониальная традиция, не нарушенная даже в Великом эпосе, дана по своему правилу, своей ценности. Песнь, само

собой разумеется, что траур Каныкей не похож ни на чей другой траур. В этом трауре упоминаются как мысли, касающиеся самой Каныкей, так и мнения, касающиеся большинства семей, семейных устоев, а также мечты о родственных отношениях. Кошмар Каныкея в эпосе его логическая последовательность отличается качеством, соответствующим характеру жанра, а также глубиной смысла. Как видно из вышеуказанного хода речи, «Манас» — это, конечно, траур Каныкея. Иначе и быть не могло. Ведь глава семьи, человек, который был его крестным отцом, давно ушел из жизни, его жена плакала и пела песню скорби. Эта глубоко укоренившаяся традиция, эта извечная церемониальная традиция, не нарушенная даже в Великом эпосе, дана по своему правилу, своей ценности. Песнь, само собой разумеется, что траур Каныкей не похож ни на чей другой траур. В этом трауре упоминаются как мысли, касающиеся самой Каныкей, так и мнения, касающиеся большинства семей, семейных устоев, а также мечты о родственных отношениях. Кошмар Каныкея в эпосе его логическая последовательность отличается качеством, соответствующим характеру жанра, а также глубиной смысла. Особое место в художественной структуре эпоса отводится песням-сновидениям. В нашей исследовании мы сосредоточились на двух образцах песен мечты. Первый из них — мечта богатого, а второй — мечта героя Алмамбета.

С другой стороны, сон Алмамбета, второй образец эпических песен о привидениях, также демонстрирует глубокую внутреннюю трагедию личности в соответствии с природой жанра. Проблемы личности и места рождения, Родины и отчизны, человека и Родины раскрываются в мечтах Алмамбета с особым трагическим ритмом.

Подводя итог, можно сказать, что в художественной структуре нашего великого эпоса «Манас» песни скорби и грезы углубляют смысл эпоса, доводят образы до многообразного, многогранного состояния. Именно в этом и заключаются особые смыслы самих песен-скорбей и мечтаний, что означает самое тяжелое горе для отца.

Этот плач, записанный неизвестным персидским автором с кыпчакских степей и вошедший в сборник «Предки турок» и в летопись арабского историка Ибн-Ал-Асира, дает основание точно указать, что первоначальное ядро произведения было создано в 1227 году. По мере того, как этот траур приобретает первозданный вид, возрастает поэтичность, рифмованность, образность его слов, он сохраняется в народе, не теряя своего веса.

В Древней воинской традиции добрый конь к душе «бегство Тулпара, самая тяжелая утрата, рассматривается наравне с потерей любимого человека, а бегство Тулпара, Сокола и человеческая душа» улетают «и» убегают, считается постоянной традицией художественной передачи утраты. Такие метафоры, как «озеро опустело», «погасла лампа», «ручей дайра засох» в этом трауре свидетельствуют о несравненном художественном могуществе поэта, величии его словесного мастерства.

Во времена, когда воинство двигалось вперед и назад, то побеждало, то побеждало, терпело много страданий, разбрасывалось, перестраивалось, горстка людей, как ладони, веками старела, не теряла своего лица, сохраняла мир искусства, который «Манас» искривлял в себе. Неясно, когда родился певец Токтогул, который воплотил в жизнь пожелания народа и превратил их в песни. Однако существуют легенды о том, что во времена правления Тимура Жаныбек якобы жил под властью хана. Предположительно, это было в 1320-х годах.

Среди народных «является Токтогулдай певец, является Толубайдай нового года» заменить на слово В памяти соответствующие настоящим птицы. Певец, не умеющий угодить, нашедший остроумное слово, заботящийся о людях и скорбящий о бедственном положении, публично воспевал близну танцов: Мы высохли при боге, Мы нарезали кожуру с жареной головкой. Призрак Кыргызстана ударит тебя, Ты тяжело мучил кыргызов, домок — его стихи дошли до хана и были отправлены Тимуру в Самарканд под предлогом «противодействия

религии». Он закапывает его в яму на публике, а не хоронит, чтобы люди замерзли, и бросает тело в поле, чтобы его могли съесть собаки и птицы.

Подводя итог проведённому исследованию, можно отметить, что траурные и сновиденческие песни занимают особое и устойчивое место в системе кыргызского фольклора, отражая мировоззрение народа, его историческую память и духовные ценности. Проанализированные материалы демонстрируют, что кошок, являясь древнейшим жанром, сохранил свою жанровую природу от Орхено-Енисейских памятников до эпоса «Манас» и до наших дней, оставаясь важным художественным средством выражения коллективных чувств и нравственных идеалов. Песни-сны, в свою очередь, раскрывают внутренний мир героя, связывая личную судьбу с судьбой народа и усиливая эпическую многослойность произведения. Таким образом, оба жанра формируют целостную эстетическую систему, углубляют смысловую структуру эпоса и подтверждают высокую художественную культуру кыргызского устного наследия.

Список литературы:

1. Манас. Эпос. По варианту сына Сагынбая Орозбака. Кн. 1. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 834 с.
2. Абакиров К. “Золотое сокровище”, оставленное от предков. Бишкек, 2017. 544 с.
3. Айтбаева Ш. Кыргызские народные устные произведения. Бишкек, 2015. 378 с.
4. Баймурзаев Б. Народное слово - народу. Бишкек, 2017. 340 с.

References:

1. Manas Epos (1984). Po variantu syna Sagynbaya Orozbaka. Kn. 1. Frunze. (in Russian).
2. Abakirov, K. (2017). “Zolotoe sokrovishche”, ostavshesya ot predkov. Bishkek. (in Russian).
3. Aitbaeva, Sh. (2015). Kyrgyzskie narodnye ustnye proizvedeniya. Bishkek. (in Russian).
4. Baimurzaev, B. (2017). Narodnoe slovo - narodu. Bishkek. (in Russian).

Поступила в редакцию
06.12.2025 г.

Принята к публикации
17.12.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Курманалиева Г. Ж. Жанровая природа и историческая судьба кыргызских скорбных песен (кошок) // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №2. С. 679-684.
<https://doi.org/10.33619/2414-2948/123/82>

Cite as (APA):

Kurmanalieva, G. (2026). The Genre Nature and Historical Destiny of the Kyrgyz Lament Songs (Koshok). *Bulletin of Science and Practice*, 12(2), 679-684. (in Russian).
<https://doi.org/10.33619/2414-2948/123/82>